

В третью группу входят наименования, в основе которых лежат фамилии деятелей науки, культуры, искусства, героев мирного времени: ул. *Алеся Адамовича* – аг. Колодищи Мн. р-на Мн. обл., ул. *Пушкина* – аг. Брашевичи Дрог. р-на Бр. обл., ул. *Хруцкого* – аг. Улла Беш. р-на Вт. обл. (по фамилии Ивана Фомича (Трофимовича) Хруцкого, художника, живописца XIX в., известного своими натюрмортами и групповыми портретами, уроженца п. Улла), ул. *Могилевчика* (в честь Могилевчика Захара Кузьмича, белорусского советского ученого в области гигиены и санитарии, родившегося в дер. Головчин) – аг. Головчин Бел. р-на Мг. обл., ул. *Гагарина* – аг. Городец Кобр. р-на Бр. обл.

В шести областях Беларуси функционируют десять общих названий: ул. *Гагарина*, ул. *Горького*, ул. *Есенина*, ул. *Коласа*, ул. *Купалы*, ул. *Мичурина*, ул. *Пушкина*, ул. *Скоринны*, ул. *Титова*, ул. *Толстого*. В пяти областях задействованы ул. *Гоголя*, ул. *Лермонтова*, ул. *Маяковского*, ул. *Некрасова*. Среди данных наименований находим виконимы, мотивированные фамильными антропонимами писателей (10), летчиков-космонавтов (2), просветителя (1), ученого (1). Наиболее частотными из перечисленных выступили виконимы ул. *Гагарина* (Бр. обл. – 127 н.п., Вт. обл. – 16 н.п., Гм. обл. – 98 н.п., Гр. обл. – 41 н.п., Мг. обл. – 14 н.п., Мн. обл. – 79 н.п.); ул. *Коласа* (Бр. обл. – 37 н.п., Вт. обл. – 3 н.п., Гм. обл. – 15 н.п., Гр. обл. – 4 н.п., Мг. обл. – 3 н.п., Мн. обл. – 31 н.п.); ул. *Купалы* (Бр. обл. – 29 н.п., Вт. обл. – 3 н.п., Гм. обл. – 12 н.п., Гр. обл. – 2 н.п., Мг. обл. – 4 н.п., Мн. обл. – 33 н.п.); ул. *Пушкина* (Бр. обл. – 32 н.п., Вт. обл. – 6 н.п., Гм. обл. – 19 н.п., Гр. обл. – 10 н.п., Мг. обл. – 6 н.п., Мн. обл. – 23 н.п.). Белорусский текст культуры представлен только двумя распространенными названиями, однако это не свидетельствует о приоритетности русского текста: подгруппа наименований, мотивированных фамилиями белорусских литераторов, отличается большим разнообразием. Так, помимо вышеперечисленных национально-прецедентных виконимов в каждой области зафиксированы названия, данные в честь региональных писателей и поэтов.

Таким образом, в состав каждой группы отантропонимных виконимов входят общие для всех областей Беларуси единицы, имеющие высокий индекс частотности. При этом количественные показатели данных названий различны во всех регионах Беларуси. Причинами выступают такие экстралингвистические факторы, как географическое положение, исторические особенности региона или страны в целом и т.д. Частотные названия внутрисельских линейных объектов обладают высоким уровнем прецедентности, что сближает виконимную систему с урбанонимной, в которой в качестве основы для номинации задействованы широко известные имена. Однако специфической чертой рассмотренного разряда онимов является значительный спектр названий, отражающих региональную картину мира, при этом их состав в каждой области варьируется.

Литература

1. Мезенко, А.М. Урбанонимия Белоруссии / А.М. Мезенко. – Минск: Университетское, 1991. – 167 с.

О.С. Евсеева (Смоленский государственный университет)

ТОПОНИМИЯ СМОЛЕНСКО-ВИТЕБСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ, ОТРАЖАЮЩАЯ ЦВЕТОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИРА, В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Топонимия (термин топоним восходит к греческому *topos* «место»), под которой понимается совокупность названий населенных пунктов определенной территории, представляет особый интерес для научного изучения. В ней отражаются важнейшие этапы истории материальной и духовной культуры создавшего ее народа и проявляются языковые закономерности, в связи с чем топонимия представляет интерес для исследования как историко-географический материал и как лингвистический источник [6; 7].

Топонимия любого региона – сложное явление, анализ которого представляет определенные трудности и предполагает различные пути исследования в зависимости от специфики материала и поставленных задач. В основе нашего исследования лежит топонимия смоленско-витебского приграничья. Со стороны Смоленщины сюда входят Демидовский, Велижский и Руднянский районы, которые объединены в единый внутриобластной район, именуемый Северо-западным. Со стороны Витебщины нами рассмотрены Лиозненский, Городокский и Витебский районы. Отметим, что на сегодняшний день общая протяженность границы Смоленской области с Беларусью составляет 463 км.

Данное топонимическое пространство представлено разнообразием лексико-семантических групп топонимов. В настоящей статье мы подробнее остановимся на анализе одной из малочисленных групп топонимов – онимических единиц, которые содержат в своих названиях характеристики цвета (черный, белый, красный), или цветочные прилагательные (5 % от общего числа топонимов (673 единицы), попавших в сферу исследования). Несмотря на свою малочисленность, они представляют собой ценный лингвистический и этнолингвистический материал.

В колористической картине смоленско-витебского приграничья преобладают черный, белый и красные цвета. По мнению Ф.Н. Шемякина, любой цвет может быть охарактеризован по «светлоте», цвету, насыщенности. Так, по признаку «светлоты» самым светлым является *белый*, темным – *черный*, что нашло отражение и в топонимах. Кроме того, для этих прилагательных характерно развитие и переносных значений; *белый* обладает значением «чистый», *черный* – «грязный, плохой» [7; 16].

Самыми многочисленными являются топонимы, содержащие в своих названиях черный цвет, – *Черново*, *Черное*, *Черняны*, *Чернейка*. Обратимся к их описанию.

Как известно, прилагательное *черный* имеет около 13 значений, но чаще всего используются следующие: 1) «самого темного из существующих цветов, цвета сажи, угля»; 2) «темный, более темный по сравнению с обычным цветом» [3; 870]. Однако существуют определения, характеризующие понятие «*черный*» и с других позиций. Так, в словаре С.И. Ожегова среди нескольких определений мы находим следующее: «*черный* – на Руси в 12-17 вв.: государственный, не частновладельческий» [3; 870]. В словаре под редакцией А.П. Евгеньевой имеются следующие определения, которые не имеют отношения к цвету: «*черный* – в дореволюционной России: принадлежавший к низшим, не привилегированным сословиям, к простонародью»; «мрачный, безрадостный, тяжелый» [4; 667]. Как видим из определений, топонимы, содержащие в себе понятие «*черный*», могут иметь не цветочное обоснование номинации. Скорее всего, в семантике корня реализуется значение социальное, т.е. значение принадлежности либо к государственному владению, либо к низкому сословию.

Обратим внимание на словообразовательный аспект в топонимах с корнем *-черн-*.

Черново – суффикс *-ов-* в данном топониме имеет старое значение принадлежности. В древности *-ов-* означал определённый звуковой символ, указывающий на отношение объекта к «беженцам» или выходцам из определённых мест и сообществ. Со временем это значение утратилось, оставшись в современных онимах в виде стандартного суффикса фамилий, таким образом, данный топоним имеет отантропонимическое происхождение [2; 167].

Черняны – суффикс *-ян-* имеет значение «новый». Исходя из значения, данного в словаре С.И. Ожегова, – «государственный, не частновладельческий», мы можем предположить, что название этого населенного пункта могло дословно означать «новый, государственный населенный пункт» [2; 169].

Чернейка – суффикс *-ейк-* в русском языке является суффиксом субъективной оценки, который образует не новые слова, а их формы, нередко отличающиеся от тех

слов, на базе которых они возникли, только с эмоционально-экспрессивной окраской. В данном случае суффикс дает положительную оценку.

Как видим, топонимы, содержащие в себе основу *-черн-*, не всегда имеют отношение к цветовому восприятию мира.

Разнообразно использование в топонимии прилагательного «белый»: *Беляево, Беляки, Беленькие, Бель, Белогузovo, Белоусовo*.

Словарь Ожегова С.И. предлагает 11 определений прилагательного «белый», два из которых связаны с цветообозначением и активно используются в речи: 1) «цвета снега, молока, мела»; 2) «очень светлый». В этом же словаре мы находим и не цветное определение, которое возникло после 1917 года: «белый – в первые годы Советской власти: контрреволюционный, действующий против советской власти или направленный против нее» [3; 78]. Но чаще прилагательное «белый» имеет не цветное значение, а социальный смысл: указывает на свободу, вольность, откуда пошли выражения *Белая нива, Белое место*. Из русского фольклора известно *Беловодье*, легендарная страна мужицкой вольности, «никем не занятая, вольная земля».

Наименование деревни *Бель* Демидовского района, по-нашему мнению, связано с промыслами. Так, в Словаре смоленских говоров *белью* называется «отбеленная льняная пряжа» [5; 159]. Можно предположить, что свое название деревня получила именно таким образом.

Обратим внимание на словообразовательный аспект топонимов с основой *-бел-*. Названия *Беляево, Белогузovo, Белоусовo*, в своем составе имеют суффиксы *-ов-/-ев-*, со значением принадлежности и являются топонимами антропонимического происхождения.

В топониме *Беленькие* вычленяется суффикс *-еньк-*, имеющий уменьшительно-ласкательное значение в именах нарицательных, откуда это значение пришло и в сферу имен собственных.

В топониме *Беляки* выделяется суффикс *-як-*, указывающий на эмоционально экспрессивную окраску.

На исследуемой территории интересен топоним Красное, в семантике которого, на первый взгляд, имеется значение красного цвета. Например, в словаре С.И. Ожегова дается такое определение: «красный – имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым; цвета крови» [3;304]. Однако такое толкование скорее всего спорное. Обратим внимание на такие случаи, где прилагательное красный употребляется в старом русском значении «красивый»: «красный угол в избе», «красная девица», «красное солнышко». Такое же значение имеет место и в названиях *Красный луг и Красный Двор*. Помимо старорусского значения «красный – красивый» встречается и революционное: «относящийся к революционной деятельности, к советскому социалистическому строю, к Красной Армии» [3; 304].

Для того чтобы определить, как принимается значение топонимов, отражающих цветное восприятие мира, современными жителями приграничья, нами был проведен ассоциативный эксперимент. Респондентам был предложен ряд топонимов, имеющих в своем составе цветообозначения (*черный, белый, красный*). 90% опрошенных считают, что топонимы *Черново, Черное, Черняны, Чернейка* образованы от прилагательного «черный» в его цветовом значении; 10% респондентов затруднились ответить на поставленный вопрос. 80% опрошенных считают, что топонимы *Беляево, Беляки, Беленькие, Бель, Белогузovo, Белоусовo* образованы от прилагательного «белый»; 20% – либо затруднились ответить на вопрос, либо имели индивидуальные ассоциации. По-иному воспринимали современные носители языка топонимы с прилагательным «красный»: *Красное, Красный. Красный Двор*. По мнению 70% опрошенных, они образованы от прилагательного «красный» в значении «красивый». Возможно, это связано с тем, что это значение часто используется в фольклорных текстах и в диалектах.

Таким образом, наименование населенных пунктов, в основе которых лежат цвета черный, белый и красный, в основной своей части не имеют цветового значения, а реальные значения данных топонимов на сегодняшний день, к сожалению, забыты.

Литература

1. Административно-территориальное устройство Смоленской области: Справочник. – М.: Московский рабочий, 1981. – 416 с.
2. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование / Е.В. Земская. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1990. – 921 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., – М.: Русский язык, 1985. – 800 с.
5. Словарь смоленских говоров. – Выпуск 1. – Смоленск: СГПИ, 1974. – 310 с.
6. Суперанская, А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М.: Институт языкознания, 1985. – 130 с.
7. Шемякин, Ф.Н. Язык и чувственное познание. / Ф.Н. Шемякин // Язык и мышление. – М.: Русск.яз., 1965. – С. 16-18.

И.А. Ионова (Славянский университет, Кишинев, Молдова)

РУССКОЕ КИШИНЕВСКОЕ ПРОСТОРЕЧИЕ: ЗАМЕТКИ ОБ ИСТОЧНИКАХ СВОЕОБРАЗИЯ

В Кишиневе, как и в любом большом городе с многонациональным населением, для межэтнической коммуникации в неофициальных сферах используется просторечие, колоритность которого обусловлена взаимовлиянием контактирующих языков и культур. Уникальной в этом плане является лингвистическая ситуация в Одессе, которая с момента ее основания, заселялась людьми разных национальностей. Под влиянием цивилизационных, экономических, социально-политических и этнических процессов, повлиявших на жизнь городской общины, здесь на лексической базе русского языка сформировалось городское койне [8]. В Кишиневе подобного общего языка не существует. Однако местное русское просторечие, как и в Одессе, выплывало в поликультурном многоязычном социуме. Но состав культур и языков, взаимодействующих в этом котле, их пропорции, были иными.

Основные ингредиенты получившегося языкового коктейля называет в своем стихотворении Александра Юнко: *Перекресток бессарабский, // Переулок тарабарский, // Где звучит, куда ни выйдешь, // Русский, что ли, чи молдавский, // Украинский, то ль болгарский // С переходами на идиши. ... // С детства этот сочный суржик // Я жевала, точно коржик, // Разноречьем упиваясь. // До сих пор в стихотвореньях // Расставляю ударенья // По наитию, покажись! ... // Где же ты, мой бессарабский, // Горький, нищий, но не рабский, // В Бога, душу и царя, // Магальской, блатной, армянский, // Гагаузский да цыганский?.. // Нет такого словаря [10; 13]. «Переулок тарабарский», видимо, не только улочка на Пушкинской (раньше Инзовой) горке в Кишиневе, но и вся Молдова – своего рода перекресток Запада и Востока, Севера и Юга. В ряду определений у А.Юнко важно слово «магальской». «Магальской» язык – это язык магалы (махалы). В русском языке такого слова нет; отсутствует оно и в популярном «словаре» В.Смирнова [6], хотя одна из колоритных одесских реалий может быть названа именно так. В. Смирнов пишет: *«Мы росли в пропитанных одесским духом, кулинарией и языком дворах, за черту которых изначально была выведена национальная составляющая, и все были друг другу своими, роднее любой мишутхи» [7; 64]. Т.В.Зайковская, исследующая языковые картины мира этносов Молдовы, определяет понятие так: «Магала – это часть села, часть довольно большая, по тем или иным признакам (местонахождение в верхней или нижней части поселения, граница в виде речки или ручья, преобладание жителей определенной национальности – ср. болг. **циганска махала** – и т.п.), обособленная от других его частей, где жи-**